

УДК 821.161.1

КОЛОНИАЛЬНАЯ РУССКАЯ ПРОЗА (РУБЕЖ XIX – XX ВВ.) В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ НАМЕРЕННОГО ЗАБВЕНИЯ

Э. Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет
кафедра русской новейшей литературы и читательских практик

В статье сделано предположение о причинах забвения творчества русского писателя конца XIX в. Н. Н. Каразина, пытавшегося объективно отражать кровавые события русской колонизации в Средней Азии во второй половине XIX в. Его проза, будучи популярной среди современников, влияла на коллег по цеху, была резонансной, но с приходом советской власти выпала из парадигмы нового пропагандистского дискурса.

Ключевые слова: *В. В. Верещагин, Н. Н. Каразин, колониализм, Средняя Азия, Л. Н. Толстой, Туркестан, А. П. Чехов*

Он не был запрещенным писателем – он не был изруганным писателем – он как бы не существовал [3, с. 115].

Руфь Зернова

Ранжирование писателей прошлого по «рядам» (писатель первого ряда, второго и т. д.) стало общим местом как в науке, так и в повседневности. Однако, открывая журналы и сборники сочинений XIX в., неожиданно обнаруживаешь достойных, талантливых писателей, которые не вошли ни в мейнстрим, ни в исследовательский дискурс, ни в один из «рядов». По прочтении большого количества текстов одного из авторов озадачиваешься: в чем же причины замалчивания? Они не могут быть связаны с творчеством, с собственно художественными текстами, талантливыми и новаторскими. Их надо искать в другой плоскости: в идеологической, ментальной, или в том антропологическом узоре, который пропагандирует на данном этапе власть.

Речь пойдет о литературной фигуре Николая Николаевича Каразина (1842 – 1908), известного больше как художника. При жизни Каразина много издавали (в петербургских журналах «Дело», «Нива»), параллельно с публикацией его романов и очерков в журнале «Дело» печатаются рецензии, разборы его текстов – порой острые, нелицеприятные, но содержащие однозначную оценку: Каразин – явление самобытное, узнаваемое. К слову, при жизни писателя переведены несколько сборников его прозы: на немецкий – «Ак Токмак. Очерки нравов Центральной Азии», опубликованные в «Deutsche Rundschau» в 1875 г., «Der Zweibeinige Wolf» – «Двуногий волк» (1876); на французский – «Scènes de la vie terrible dans l'Asie centrale» – «Сцены ужасной жизни в Центральной Азии» (1880) и «Le Pays ou l'on se battra: voyages dans l'Asie Centrale» – «Страна, в которой сразимся: поездки в Центральную Азию» (1879). Возможно, были и другие переводы, – это лишь то, что удалось найти.

Открываем литературные энциклопедии доинтернетной эпохи – имя Н. Н. Каразина отсутствует. Однако в ранний советский период Каразин все же удостоен статьи в Литературной энциклопедии (1931), изданной

Комакадемией, под ответственной редакцией А. В. Луначарского: составитель статьи, В. Б. (В. Баскаков), ссылается на дореволюционные источники: «Русскую словесность с XI по XIX ст.» А. В. Мезьера (СПб., 1902) и «Источники словаря русских писателей» С. А. Венгерова (СПб., 1910). Собственно, эта статья стала вердиктом советских времен, уничтожившим Каразина как писателя. Вот фрагмент энциклопедической презентации-приговора: «*К.* изображал купцов, предпринимателей, аферистов, к-рые бросились в Среднеазиатские владения в погоне за легкой наживой. Жестокая борьба этих рыцарей первоначального накопления друг с другом на почве конкуренции – обычная тема его произведений. *К.* менее всего интересуется угнетенными и бесправными “инородцами”. Среди русских писателей прошлого он – один из немногих – является ярким представителем колониального романа. У *К.* заметно пристрастие к кричащим эффектам и мелодраматической фабуле» [11, с. 107–108].

Как видно из цитаты, текст составлен в стилистике вульгарного социологизма, с его классовыми акцентами, взаимосвязью социальной ниши писателя (в статье подчеркнуто дворянское происхождение Каразина) и его творчества. Упомянутые в статье «кричащие эффекты» – вероятно, составители имели в виду этнографизм сюжетов Каразина, – это, пожалуй, самая яркая, делающая его прозу неповторимой черта. Она завораживает современного читателя, а уж тогдашнего, для которого Каразин был Колумбом Средней Азии, думаю, и подавно. Называть любовные сюжеты «мелодраматической фабулой» – этого принижающего «комплимента» может быть удостоен, при желании, любой любовный сюжет. По поводу того, что Каразин «менее всего интересуется угнетенными и бесправными “инородцами”» – при жизни писателя критики, свободные от прессинга советской идеологии, писали совершенно противоположное – в частности, о пристрастии Каразина к изображению местных народов, на которых, как указывал литературный критик П. Н. Ткачев, он и «сосредоточил свое внимание» [14, с. 19].

Таким образом, энциклопедическая статья 1931 г. о Каразине, откровенно тенденциозная, исключала его из русской литературы. Но причин, объясняющих его дальнейшее забвение, статья не содержит. Как уже было сказано, причины эти, скорее, были в плоскости идеологической. СССР наследовал от Российской империи, по преимуществу, всю территорию в ее прежних границах – в частности Русскую Среднюю Азию (или Туркестанский край), возникшую под таким именованьем в результате военной экспансии. Процессы, происходившие в этом регионе, до 1917 г. позволительно именовать колонизаторскими, но после – это стало называться «добровольным процессом вхождения», хотя захват окраинных территорий Средней Азии продолжался прежним способом и после установления советской власти. То, как это воссоздано в прозе Каразина – очевидца, участника русско-туркестанского проекта, противоречило пропагандистским мифам, которые тиражировались на протяжении всего советского XX в.

Именно из очерков, рассказов, романов Каразина читатель XIX в. узнавал о быте, нравах, кухне, одежде, жестах (например, рука, приложенная к желудку, – как знак уважения), позах (например, сидение на корточках во

время досуга и отдыха), фольклоре среднеазиатских народов, вошедших в Российскую империю. Каразинская проза гораздо раньше вошла в культурный слой России, чем этнографические очерки военных востоковедов. Каразин дал старт многому из того, что впоследствии стало сводом растиражированных стереотипов о Туркестанском Востоке, он первым внес в отечественный дискурс русифицированную лексику – ойкотипы и эндемики, связанные с зарождавшейся на его глазах билингвальной языковой культурой. Каразина можно считать первопроходцем в создании туркестанского текста в русской культуре.

Много печатавшаяся до 1917 г., проза Каразина известна ныне очень узкому кругу специалистов. Широко освещенный писателем – детально, психологически – колонизаторский проект вызывает читательскую оторопь. Реалистические картины российского силового вторжения на чужую территорию не укладываются в сознание, сформированное советской пропагандой, учебниками и кинолентами. Захват Средней Азии в представлении современников рисуется в виде картинок вестернов, или точнее, «остерна» в духе «Белого солнца пустыни», с которым проза Каразина никак не гармонирует. Ведь русская экспансия в Среднюю Азию несла культуру и цивилизацию – расхожий стереотип, зачатый идеологией еще Российской империи и продолженный советской. Каразин описывает сопротивление туземцев русским: «Там, в этом ущелье – дерутся. Как орлиное гнездо, на самой круче, повиснув над горою, белеет аул-кишлак. Это ключ в горы. Мимо него нет дороги... Стойко защищают свое, уже дымящееся местами, гнездо. Исстари насижено оно их прадедами, и куда как не хочется отдавать его ненавистным белым рубахам, “Ак-кульмак”» [4, с. 167] (*белые рубахи* – часть обмундирования русских солдат той поры, вместе с красными кожаными штанами, – эту солдатскую униформу можно видеть на среднеазиатских полотнах В. В. Верещагина); а также упорство русской силы в завоевании новых земель: «Пройдет годик-другой, мы устроимся: все это, что мы теперь занимаем, с оружием, да с оглядкою, все это будет наше, навеки закрепленное, и настанет мир и тишина. Вот как там, что сзади осталась... Страна здесь богатая, привольная...» [6, с. 148].

Вот пример одного из пропагандистских ходов, работавших на детскую аудиторию: в ленинградском журнале «ЕЖ» за 1928 г. опубликовано письмо мальчика из далекой солнечной окраины. Он пишет о том, как трудно октябрятам проводить революцию в Туркестане. Родители не разрешают есть ложкой, носить трусики: «Это у вас коммунисты на детской площадке все выдумывают разные ложки», «...не вздумай носить трусики. Если увижу – убью» [13, с. 17]. Письмо составлено неумело, с точки зрения современных экспертов по Востоку, низко оценивших «документальность» этого письма, однако подобные ходы продуктивно формировали образ русской и советской миссии, несущей благо «диким», «нецивилизованным» народам. Так зрел ориентализм советского разлива, инерция которого до сих пор ощутима в профессиональном сообществе филологов: нередко приходится слышать недовольные, возмущенные реплики – реакцию на термины *колониальная / постколониальная* русская литература.

Заметим «в скобках»: руководство одного московского вуза дало отповедь на проведение семинара по колониальной и постколониальной русской литературе (привожу фрагмент документа-рассылки): «...мы поняли, что под колониальной понимается советская, а под постколониальной – постсоветская (“колонизированы” были союзные республики) литература. Мы сошлись во мнении, что эта терминология некорректна ни с точки зрения исторической науки, ни с точки зрения истории литературы, крайне тенденциозна, политизирована... более того, оскорбительна как для русского народа, так и для любого народа СССР или России. <...> Если в отдельных странах СНГ эти термины (фигурально, в кавычках) и употребляются, то нам, и по отношению к русской литературе, использовать их по меньшей мере странно». А рецензент дипломной работы, оценивая колониальный дискурс, высказался так: «...оценки политической и иной ситуации в присоединенной к России Средней Азии... никак не могут... рассматриваться как объективная картина жизни той или иной части (или полностью) Российской империи. <...> ...Мы имеем дело с методологическим просчетом, а в плане содержания остается лишь ненависть к России как к историческому, культурному, религиозному и т. д. уникаму».

Вернемся к теме данной статьи. Проза Каразина разрушает благолепный флер этой миссии. Однако уже в первые послереволюционные десятилетия как имя писателя, так и его литературное творчество как будто перестали существовать – советские цензурные организации (Главлит и др.) таким образом вычеркнули Каразина из литературной жизни. Наступило полное забвение – забвение двадцати томов прозы, опубликованной в виде полного собрания сочинений Н. Н. Каразина в 1905 г. (хотя были публикации детских книжек Каразина, не имевших отношения к главной теме и проблематике писателя – колониальному проекту).

Один шаг выхода из забвения сделан, но разовый и уже давний: опубликован сборник избранной прозы Каразина в 1993 г. В предисловии Г. Цветов пишет: «Видимо, с выходом этой книги творения Н. Н. Каразина можно будет отнести к “возвращенной литературе”. <...> ...Идеологически отточенный глаз советских издателей узрел опасные политические просчеты даже у Николая Каразина, из-за которых художник и был предан забвению, казавшемуся оправданным, заслуженным, справедливым. Еще бы! Ведь не кто иной, как Н. Каразин, сподобился запечатлеть “Путешествие Наследника Цесаревича на Восток”, о котором в конце прошлого века (XIX в. – Э. III.) писано было, что в нем “талантливой кистью набросаны разные виды и сцены из этого знаменательного путешествия. Рисунки прекрасно гравированы в Лейпциге и в общем не уступают лучшим иностранным изданиям”. <...> Этого оказалось достаточно, чтобы творческое наследие художника серебряной взблескивающей монеткой устремилось на дно Леты. В вечное забвение...» [18, с. 5].

В историческом срезе рядом с художником и прозаиком Н. Н. Каразиным находится фигура прославленного живописца В. В. Верещагина (они были современниками, знакомцами, коллегами и участниками туркестанской экспансии), чье творчество в большей мере также является колониальным. Верещагин, как и Каразин, тоже был прозаиком – что известно

не столь широко в сравнении с его статусом живописца – думаю, по тем же причинам.

Если о картинах Верещагина можно еще спорить: кто их создатель – пацифист или приверженец империи [1, с. 368], то его литературные тексты однозначно свидетельствуют: он был именно приверженцем империи, осуждавшим «восточный деспотизм», «варварство», «разврат», «содомский грех» – все то, что можно и должно искоренить с приходом русской, европейской культуры. (Недавно я была очевидцем бытовой сценки в Третьяковской галерее: экскурсовод, возможно, учитель, остановившись со школьниками у картин Верещагина, произносит следующее: «Обратите, дети, внимание на эту кучу голов у ног ханов! Видите, какими они были жестокими. Шли войны по завоеванию Средней Азии, а эти ханы сопротивлялись, и как жестоко!»)

Известен факт, что Верещагин в 1876 г. «подал военному министру докладную, где доказывал общность интересов России и Англии в борьбе с варварским мусульманским миром» [1, с. 368–369]. Советские «толмачи» Верещагина не согласились с такой точкой зрения художника – касательно Англии, потому как «счастье» народам Средней Азии светило только из России. Ныне, на рубеже XX – XXI вв., Верещагин-литератор возвращается к читателю. Если располагать «по ранжиру» имена Верещагина и Каразина как колониальных русских писателей в мировом колониальном дискурсе, считанном и проанализированном Эвардом Саидом в «Ориентализме» [15], то места распределяются так: Верещагин – рупор ориентализма, Каразин – и да, и нет, скорее, он его критик. «Тут, как раз посреди бреши, лежит молодой боец лет семнадцати, мальчик, и не лежит совсем, а вот словно подняться на ноги хочет, да и окоченел в этом последнем движении; недалеко полуголый атлет распластался крестообразно, и в груди под ложечкой две зияющие штыковые раны... Тут седой старик в золотистом халате сидит, упершись спиной в стену, голова низко на грудь свесилась, около книга лежит большая, тяжелая, в красном кожаном переплете, окостеневшие, похолодевшие пальцы правой руки судорожно уцепились за медные застежки святой книги... Убит мулла в самом пылу вдохновенной проповеди.

“Как это книгу такую *они* оставили? Ведь поди ж ты, не весть, какая редкость, должно быть, конечно, коран рукописный с заставками, от руки рисованными, с арабесками, с золочеными рамочками... Надо бы слезть с коня, осмотреть, забрать с собою... Да претит как будто... Мертвых обирать своими руками не хочется. Вот если б казачишко какой проехал мимо, приказал бы... а то”» [8, с. 6–7].

Пугающая сегодня своей реалистичной образностью, проза Каразина при его жизни была довольно резонансной. Так, при чтении каразинского романа «Погоня за наживой», написанного в 1876 г. и не ставшего хрестоматийной «классикой», в сознании современного читателя не может не всплыть фрагмент из повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» (1889). Сцену внезапного возвращения из уезда Позднышева, когда он застаёт свою жену с предполагаемым любовником, – точь-в-точь, до мельчайших деталей, – находим в каразинской «Погоне за наживой»: Ледоколов застаёт свою жену с любовником. Толстому не мог не быть знаком этот роман Каразина,

публиковавшийся в петербургском журнале «Дело». А личное любовное фиаско Ледоколова, нашедшего единственный выход, как спасение от самоубийства, – отправиться в Ташкент, – не могло не быть одной из предпосылок поворота в биографии Вронского в «Анне Карениной» (последние главы романа Толстого опубликованы в журнале в 1877 г., книга вышла в 1878 г.).

О деталях знакомства или общения Толстого и Каразина сведений сохранилось немного. Известно, что Каразин был иллюстратором «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», писатели переписывались. Так, есть следующее упоминание в письме Льва Толстого к дочери (октябрь 1893 г.): «...получил от Каразина письмо с просьбой сказать свое мнение об иллюстрациях Севера, и посылает несколько экземпляров альбома» [17, с. 408]. Ответ Толстым был послан, но ни письма, ни его содержания не сохранилось.

Каразинский Лопатин («Погоня за наживой»), предприниматель, нувориш конца XIX в., выписан так выпукло, объемно,вширь и в глубину психологизма, Лопатин, скупающий все движимое и недвижимое, а также ловко распоряжающийся в своих интересах попавшими в материальные затруднения людьми, – этот образ не мог не стать для читателей своего времени образом-символом и, вполне закономерно, – одним из истоков-прототипов чеховского Лопухина из «Вишневого сада» (1903).

Еще одна каразинская находка, заговорившая в этой же пьесе Чехова: в романе «На далеких окраинах» (1872) умирает при загадочных обстоятельствах офицер Батогов (намеренно отравлен опиумной сигарой), гарнизон заинтригован загадочной смертью. Однако офицеры ведут досужие разговоры, собираются на поминки, звучит голос из бильярдной: «Красного в угол и по желтому карамболь!» [5, с. 269]. В повести «В камышах» (1873) главный персонаж, Касаткин, представлен в кризисный для него момент: рушится его счастье – собственно читатель видит начало его умопомешательства. Касаткин забрел в трактир, из бильярдной доносятся реплики, отбивающие ритм скуки гарнизонной жизни, никак не гармонирующие с его трагическим состоянием: «“Желтого” режу в “среднюю”!» [4, с. 35], «Красного в угол и карамболь по белому!» [4, с. 39]. Такими же бильярдными репликами пользуется чеховский Гаев, прикрывая свое смущение и необходимость ответа. И это далеко не все каразинские реминисценции у Чехова.

Я не располагаю, к сожалению, информацией, которая могла бы засвидетельствовать вышесказанное документально. Но совпадения и генезис многих литературных фрагментов, последовавших после публикации каразинской прозы, очевидны без доказательств – достаточно открыть тексты Каразина.

К слову, Чехов был знаком с Каразиним. Сохранился чеховский текст «Обеды беллетристов», где, в частности, сказано: «Вчера, 12 января (1893 г. – Э. Ш.), почти все наши беллетристы, пребывающие теперь в Петербурге, собрались в “Мало-Ярославце”, чтобы отпраздновать Татьянин день – годовщину старейшего из русских университетов, и положить начало “беллетристическим” обедам, которые, как говорят, будут повторяться

ежемесячно, исключая летнего времени. Обедующих было 18... (перечисляются фамилии писателей, среди них – Н. Н. Каразин. – Э. Ш.) <...> Обед прошел весело... отличные отношения... существуют у наших беллетристов...» [19, с. 259].

В 1873 г. В. В. Верещагин создаст живописную работу «Смертельно раненный». На раме авторская надпись: «Ой убили, братцы... убили... ой смерть моя пришла». 1873-й – год публикации повести Каразина «В камышах», в эпилоге которой описан штурм одного из аулов Средней Азии. Там есть фрагмент, изображающий раненого русского солдата на носилках, который кричит: «Легче, голубчики мои! Легче, родимые!.. ой, ой!.. Смерть моя пришла!» [4, с. 169]. Такое дословное совпадение не может быть случайностью, если учесть, что Верещагин и Каразин были коллегами. Кто у кого заимствовал эту деталь – пока остается загадкой (последние главы повести Каразина опубликованы в апрельском журнале 1873; эту же фразу Верещагин включит впоследствии в свой очерк о взятии Самарканда, которая будет опубликована в 1883 г.)

Все приведенные примеры свидетельствуют, что проза Каразина находилась в авангарде литературы 1870–1890-х годов и тем или иным эхом отзывалась в творчестве писателей и художников, вошедших впоследствии в первые ряды как литераторов, так и живописцев.

Колониальный автор, Каразин не только фонтанирует оригинальными находками. Он заимствует основную интенцию своей прозы у М. Е. Салтыкова-Щедрина, в частности, из его цикла «Господа ташкентцы», главная мысль которого заключена в заглавии – ироничное величание *цивилизаторов* (слово из щедринского лексикона), сатирическое изображение нуворишей или тех, кто стремился стать таковыми по приезду из Ташкента. Не случайно Каразин прозрачно и прямо называет свой роман – «Погоня за наживой». Цивилизатор, по Салтыкову-Щедрину, это тот, «который придет, старый храм разрушит, нового не возведет и, насоривши, исчезнет, чтоб дать место другому реформатору, который также придет, насорит и уйдет...» [16, с. 267].

Каразин развивает щедринский «цивилизаторский проект»: «Весьма любопытная сторона... <...> Ну да и край же, я вам доложу, золотой край для всяких торговых предприятий; то есть за что ни возьмись; и ежели при этом еще деньги – ффа! Все это внове, нетронутое, запускай руки по самые локти, гребни знай... Ну, да вот вы сами увидите...» [7, с. 35].

Проезжающий господин, потенциальный цивилизатор, делится на станции своим опытом общения с туземным населением: «...в чем собственно состоит эта спасительная опытность? <...> – Нагайка? – Она самая. Вот вам альфа и омега путевой премудрости» [7, с. 46].

В романе «Погоня за наживой» есть деталь – рассылаемое приглашение на бал; помимо информации о времени и месте, «добавлялось, что бал этот имеет, между прочим, целью слияние национальностей, победителей и побежденных, а посему первые приглашались по возможности способствовать достижению этой благой цели, занимая туземных гостей и *объясняя им главнейшие преимущества цивилизованной общественной жизни* перед их полудиким, варварским бытом» (курсив мой. – Э. Ш.) [7, с. 248]. Выделенное курсивом – не раз встречающееся разъяснение русской миссии на

Восток в текстах, адресованных русскому читателю, свидетельство критического отношения к ней писателя.

Каразин, в отличие от Верещагина-литератора, показал в своей прозе обоюдную жестокость «цивилизаторов» и туземного населения: «Посмотрите! – указал я адъютанту на что-то яркое, лежавшее в густом винограднике. Мой спутник задрожал и побледнел как полотно. Да и было отчего.

Это что-то было женщиной, даже не женщиной, а ребенком лет четырнадцати, судя по формам почти детского тела. Она лежала навзничь, с широко раскинутыми руками и ногами; лиловый халатик и красная длинная рубаха были изорваны в клочья; черные волосы, заплетенные во множество косичек, раскидались вокруг головы, глаза были страшно открыты, судорожно стиснутые зубы прикусили конец языка; под туловищем стояла целая лужа крови.

Даже казаки переглянулись между собою и осторожно отъехали, отвернувшись от этого раздирающего душу зрелища.

А вот и наш поплатился: из какой-то очень небольшой дверки, ведущей в землянку, торчали две ноги, обутые в русские подкованные сапоги. Эти ноги были неподвижны. Казаки ухватились за них и принялись тащить наружу. Вытащили. Смотрим, ничего не разберем: только и осталось человеческого, что одни ноги, все остальное буквально измолочено тяжелыми кетменями» [7, с. 492–493]; «Страшный вид представляла эта деревня: вся улица засорена всевозможным хламом, всюду гниют неубранные, разбухшие от июльской жары трупы. ...Многим пришлось взглянуть на дело рук своих более трезвым, неподкупным взглядом» [7, с. 496–497] («Зарабулакские высоты»); «...Всюду корчились и дико стонали заколотые сарты. Солдаты положительно вышли из себя; вид наших израненных стрелков доводил их до бешенства» [9, с. 293]; «...Я увидел страшную картину: целая куча тел, наваленных одно на другое, загородила почти весь проезд; некоторые были еще живы и страшно корчились в предсмертной агонии; ватные халаты дымились и тлели: видно было, что выстрелы по ним сделаны почти в упор. Группа солдат, составив ружья, стояла тут же, делая при этом кое-какие замечания; два офицера крутили папиросы и говорили что-то о разнице между бухарскими и хивинскими коврами» [9, с. 295]; «В наказание за упорство жителей базары велено было разорить дотла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на местном туркестанском наречии называется “баранта”. <...> Это не просто грабеж, корысть не играет здесь вовсе первостепенной роли; нет, это какой-то дикий разгул: все наше, а что не наше, таки ничье! <...> ...Почти все быстро разбогатевшие бессрочные солдаты обязаны своим богатством баранте» [9, с. 296–297] («Ургут»).

Каразин в каждом тексте, будь то очерк, роман, рассказ, отмечает, что местное население в большинстве своем не встречало завоевателей, мягко говоря, дружелюбно: «...как заявил один из киргизов, ведший переговоры, “вашему брату, русскому, нельзя верить ни на вот столько”, причем он показал на своем пальце, насколько именно нельзя верить русскому» [7, с. 112]; «...из-под приподнятых кошм... выглядывали мужские и женские лица, провожая русских не совсем ласковыми взглядами... косматые собаки злобно рычали и лаяли на непривычные костюмы...» [7, с. 118]; «Несчастные видели перед

собою не белые рубашки русских, нет: перед ними рисовались адские чудовища с тысячами рук, с красными раскаленными пастями, дико вопящие и ревушие» [7, с. 481].

Делать публично доступными и тиражировать тексты Каразина, содержание которых явно противоречило советской парадигме «дружбы народов», Главлит, вероятно, считал невозможным (хотя никаких отдельных циркуляров, связанных с именем Каразина, найти не удалось). «В области художественной литературы... ликвидировать литературу, направленную против советского строительства... <...> Можно и должно проявлять строгость по отношению к изданиям со вполне оформившимися буржуазными художественными тенденциями литераторов. Необходимо проявлять беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам...» [12].

Так увековечил направление работы Главлита ее начальник – П. И. Лебедев-Полянский, один из редакторов той энциклопедии, где в последний раз упомянут Каразин-литератор.

В итоге колониальный проект на Восток вылился в такую оправдательную парадигму, никак не затрагивающую чувства «патриотов» и тиражируемую даже в постсоветском дискурсе: «Крестьянская реформа дала толчок развитию промышленности и торговли. Империя нуждалась и в новых рынках сбыта, и в источниках сырья, и в людских ресурсах для освоения присоединяемых территорий. Обширные среднеазиатские территории могли дать и то, и другое, и третье – если, конечно, поторопиться, не позволив чересчур активной в этом регионе Англии опередить себя» [10, с. 57].

Вернусь к эпиграфу – к его продолжению в воспоминаниях Руфи Зерновой: «В шестидесятые годы Грина издали – полное собрание сочинений. Сделали фильмы. Он стал безопасен – его сочли безопасным» [3, с. 116].

Есть надежда, что знакомство читателей с Каразиным-литератором не ограничится одной книгой 1993 г. и издатели сочтут его прозу «безопасной».

Список литературы

1. Бобриков, А. А. Этнографический эпос. Туркестанский Верещагин [Текст] / А. А. Бобриков. Другая история русского искусства / А. А. Бобриков. – М. : НЛЮ, 2012. – С. 364–371.
2. Дудаков, С. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России: Очерки [Текст] / С. Дудаков. – М. : РГГУ, 2000. – 640 с.
3. Зернова, Р. Это было при нас [Текст] / Р. Зернова. – Иерусалим, 1988. – 245 с.
4. Каразин, Н. Н. Полное собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / Н. Н. Каразин. – СПб. : Изд-е П. П. Сойкина, 1905. – Т. 13 : В камышах: Повесть. – 173 с.
5. Каразин, Н. Н. Полное собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / Н. Н. Каразин. – СПб. : Изд-е П. П. Сойкина, 1905. – Т. 1 : На далеких окраинах: Роман. – 272 с.
6. Каразин, Н. Н. Полное собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / Н. Н. Каразин. – СПб. : Изд-е П. П. Сойкина, 1905. – Т. 5 : Наль: Роман. – 224 с.
7. Каразин, Н. Н. Погоня за наживой [Текст] : Роман, повести, рассказы / Н. Н. Каразин ; сост. А. А. Мачерет. – СПб. : Лениздат, 1993. – С. 9–382.
8. Каразин, Н. Н. Рискованный сеанс: Рассказ [Текст] / Н. Н. Каразин. Полное собрание сочинений : в 20 т. – СПб. : Изд-е П. П. Сойкина, 1905. – Т. 9 : В огне. – С. 3–8.

9. Каразин, Н. Н. Ургут: Из походных записок линейца [Текст] / Н. Н. Каразин // Дело. – 1874. – № 5. – С. 267–300.
10. Кудря, А. И. Верещагин [Текст] / А. И. Кудря. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 428 с.
11. Литературная энциклопедия [Текст] ; ред. коллегия: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов и др. ; отв. ред. А. В. Луначарский. – М. : Комакадемия, 1931. – Т. 5. – С. 107–108.
12. Лебедев-Полянский, П. И. Докладная записка о работе Главлита [Текст] / П. И. Лебедев-Полянский // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 ; сост. А. Н. Арьтизов, В. П. Наумов. – М. : Междунар. фонд «Демократия», 2002. – 872 с.
13. Ложка и трусики: Письмо из Туркестана [Текст] // ЁЖ. – 1928. – № 4. – С. 16–17.
14. Никитин, П. Ташкентские рыцари (Повести и рассказы Н. Н. Каразина) [Текст] / П. Никитин // Дело. – 1874. – № 11. – Современное обозрение. – С. 1–20.
15. Саид, Э. Ориентализм: Западные концепции Востока [Текст] / Э. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Русский Мир, 2006. – 637 с.
16. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Худож. литература, 1970. – Т. 1 : Господа «ташкентцы». 1869–1870. Дневник провинциала. 1872. – В больнице для умалишенных. 1873. – 839 с.
17. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений [Текст] : в 90 т. / Л. Н. Толстой ; под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1928–1958. – Т. 66 Письма 1891 (июль – декабрь) – 1893. – М. : Гослитиздат, 1953. – 535 с.
18. Цветов, Г. Забытая слава [Текст] / Г. Цветов // Каразин Н. Н. Погоня за наживой: Роман, повести, рассказы ; сост. А. А. Мачерет. – СПб. : Лениздат, 1993. – С. 3–8.
19. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. – Т. 16 : Сочинения 1881–1902. – М., 1979. – 624 с.

THE RUSSIAN COLONIAL PROSE (AT THE END AND THE BEGINNING OF THE XIX–XX CENTURIES) IN VIEW OF THE POLICY OF THE PURPOSEFUL OBLIVION

E. F. Shafranskaya

The Moscow City Teacher's Training University
The department of modern Russian literature and readers' practices

In this article the author suggests the reasons of the oblivion of the creative works of the Russian writer of the end of XIX century N. N. Karasin who had attempted to objectively reflect the bloody events of the Russian colonization of the Middle Asia during the second part of the XIX century. His prose while being popular and resonating among his contemporaries and influential among his colleagues, fell out of the paradigm of the new propagandized discourse under the Soviet power.

Keywords: *V. V. Vereshagin, N. N. Karazin, colonialism, Middle Asia, L. N. Tolstoy, Turkestan, A. P. Chekhov*

Об авторах:

ШАФРАНСКАЯ Элеонора Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской новейшей литературы и читательских практик Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд д.4), e-mail: shafranskayaef@mail.ru